

ПРАВОВОЙ СТАТУС ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В конце XIX – начале XX столетий население Северо-западного края Российской империи было поликонфессиональным. Доминирующим вероисповеданием в данный период было православие. По данным переписи 1897 г. на территории пяти губерний проживало 5120667 православных [1, с. 252], что составляло около 60% от общей численности населения. Православные белорусы преобладали в Могилевской и Минской губерниях, а также в большинстве уездов Витебской и Гродненской губерний. При этом нужно учитывать тот факт, что православная церковь пользовалась поддержкой властей.

Отличительной чертой законодательства Российской империи являлось то, что оно обеспечивало не свободу веры, а только веротерпимость. Закон разрешал исповедовать все религии, кроме «изуверческих» (скопцы, хлысты), но при условии, что они «благословляют царствование Российских монархов» [2, с. 9–10]. В соответствии с законодательством Российской империи, на все «места и лиц, имеющих начальство по части гражданской или военной», возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми «зависящими от них средствами» различные действия, «клонящиеся к нарушению должного уважения к вере». Администрации на местах также вменялось в обязанность оказывать «нужную защиту и пособие» всем «свободно исповедуемым в империи религиям», а полиции – охранять «свободы иноверных, признанных правительством, исповеданий» [3, с. 50].

Официально провозглашённое равенство всех религий в империи на деле существовало лишь формально. Все религии, действующие в стране, делились на три группы: 1) государственная религия (православие); 2) покровительствуемые религии (католицизм, ислам, иудаизм); 3) нетерпимые религиозные организации (духоборы, скопцы, хлысты, молокане и другие секты).

Правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением православной церкви. Статья 40-я Основных законов гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафеолическая восточного исповедания». Главным образом первенство православной церкви выражалось в том, что российский император не мог «исповедовать никакой иной веры, кроме православной». Закон возлагал на него обязанность «быть верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоты и всякого в Церкви святой благочиния». В управлении православной церковью верховная власть действовала через Святейший Синод [2, с. 9–10]. Особенность положения православной церкви в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде с 1835 г. получил права министра, благодаря чему он стал посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора, который, таким образом, стал фактически правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата.

Господствующее положение православной церкви выражалось в том, что неправославному духовенству запрещалось «прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии», допускать «заведомо православных» к таинствам своей церкви [4, с. 42]. Рожденным в православной вере и тем, кто в неё перешел, не разрешалось принимать другую веру. Зато поощрялся переход из любого другого вероисповедания в православие. Для разрешения же перехода из одного в другое «инославное христианское исповедание» требовалось разрешение министра внутренних дел [5, с. 8, 15–16].

Привилегированность православной церкви выражалась также и в принадлежавшем ей исключительном праве проповедования своего вероучения. Следует заметить, что такая позиция православной церкви не была исключительной. В соответствии с нормами канонического права всякая церковь не допускает для лиц, к ней принадлежащих, свободы выхода и перехода в другое вероисповедание, не считая такой выход правомерным актом.

Согласно данным переписи 1897 г., на белорусских землях проживало 148408 старообрядцев, что составляло около 2% от общего количества населения. Наибольшая их численность была зафиксирована в Витебской губернии – 5,57%, наименьшая – в Гродненской – 0,03% [1, с. 252, 72–73].

Старообрядческим духовным наставникам разрешалось исполнять духовные требы, но им было строжайше запрещено заниматься распространением своего вероучения. Староверы не могли совершать публичное свидетельство веры: крестные ходы, ношение икон (кроме случаев погребения); духовные лица не имели права появляться в церковном облачении вне молитвенных домов и другое. Старообрядцам запрещалось «заводить скиты и обители». Для ремонта молитвенных зданий требовалось разрешение губернатора, а для распечатывания закрытых было необходимо позволение министра

внутренних дел и обер-прокурора Синода. Староверы были лишены прав на законный церковный брак и на имение своих богослужебных книг. Приобретать духовную литературу они обязаны были в особой правительственной типографии. Старообрядцы не должны были иметь свои особые священные изображения и иконы. Вступление старовера в иконописный цех могло состояться только с разрешения министра внутренних дел. У старообрядцев отсутствовало право на приём лиц неправославных исповеданий, «изъявивших добровольное желание присоединиться к расколу». Ведение актов гражданского состояния староверов было возложено на полицию [5, с. 10–12].

По данным переписи 1897 г., на белорусских землях проживало 1947795 католиков [1, с. 252–253], что составляло около 23% от общего количества населения. Большинство населения, исповедующего католицизм, было сосредоточено в северо-западных и западных уездах Виленской, Гродненской и Минской губерний.

Управление официально признанными конфессиями, в том числе и римо-католицизмом, находилось в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В ведении Департамента находились римско-католическая Духовная коллегия, состоявшая из председателя-митрополита, членов постоянных заседателей от епархий, прокурора и канцелярских чинов. Коллегии подчинялись римско-католические епархиальные управления и учебные заведения.

Правительственный контроль предполагал ограничение ряда прав для римско-католической церкви, представители которой сообщались с Римом «не иначе, как через министра внутренних дел». В соответствии с установленным порядком «никакие акты, буллы, послания, наставления и всякого рода постановления и распоряжения римского папы и его правительства» не имели в России «законной силы» без разрешения правительства [6, с. 2–3, 4–5].

Вместе с тем, римско-католическая церковь обладала правом публичного отправления богослужения. Она наделялась статусом юридического лица и имела право на владение собственностью. Ограничения были установлены относительно приобретения недвижимости. Имущество римско-католических церквей и монастырей охранялось законом. Духовенство освобождалось от воинской повинности и телесных наказаний, получало содержание от казны и процентов особого капитала, находившегося в ведении министра внутренних дел. За усердное служение оно награждалось орденами и наперсными крестами. Римско-католическое духовенство могло вести акты гражданского состояния, имело дисциплинарную власть, юрисдикцию по брачным делам, духовную цензуру [6, с. 7, 12–15].

В соответствии с данными переписи 1897 г. на белорусских землях проживало 76773 протестанта [1, с. 253], что составляло около 1% от общей численности населения. Наибольшее их число наблюдалось в Двинском (9,5%), Люцинском (9,5%), Велижском (1,9%), Режицком (1,98%), Полоцком (1,1%) уездах Витебской губернии, а также в Виленском (1,6%) [7, с. 99].

Евангелическо-лютеранская и евангелическо-реформатская церкви имели во многом схожее административное устройство. Управление делами евангелическо-лютеранской и евангелическо-реформатской церквями было сосредоточено в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В его ведении находилась евангелическо-лютеранская Генеральная консистория, состоявшая из светского президента, духовного вице-президента, светских и духовных членов, прокурора и чинов канцелярии. Генеральной консистории были подведомственны местные консистории. Руководство делами евангелическо-реформатского вероисповедания осуществлялось Синодом и Коллегией, в состав которых входили как духовные (вице-президент, канцелярские чины), так и светские члены (президент, канцелярские чины). Синоду и Коллегии подчинялись консистории на местах [6, с. 51, 55, 67–68, 98–99].

Евангелическо-лютеранским и евангелическо-реформатским священникам строго запрещалось «распространять мнения», противоречащие учению церкви. Лица, принадлежащие к евангелическо-лютеранской и евангелическо-реформатской церквям, должны были с «надлежащим уважением» относиться к представителям других «свободно исповедуемых в империи» конфессий.

Евангелическо-лютеранская и евангелическо-реформатская церкви обладали правом публичного отправления богослужения. Они наделялись статусом юридического лица и имели право на владение собственностью. Ограничения были установлены относительно приобретения недвижимости. Имущество церквей и монастырей охранялось законом. Духовенство освобождалось от воинской повинности и телесных наказаний, получало содержание как от казны, так и от прихожан. За усердное служение награждалось орденами и наперсными крестами. Евангелическо-лютеранское и евангелическо-реформатское духовенство могло вести акты гражданского состояния, имело дисциплинарную власть, юрисдикцию по брачным делам, духовную цензуру [6, с. 26–27, 30–31, 44–47, 52–54, 56, 68–72, 73–75].

Таким образом, в конце XIX – начале XX веков православная церковь на белорусских землях находилась в привилегированном положении (запрещались переходы из православия в другие христианские исповедания, только православное духовенство имело право проповедовать своё вероучение).

В политике по отношению к католицизму и течениям протестантского толка власти исходили из государственных приоритетов и интересов православной церкви:

римско-католическая церковь, поддерживая польское национальное движение на белорусских землях, стремилась вернуть своё привилегированное положение времён Речи Посполитой. Это вызывало противодействие со стороны как православного духовенства, так и правящих кругов империи, стремившихся не упускать из-под контроля деятельность католического духовенства;

течения протестантского толка (лютеранство, кальвинизм) в силу немногочисленности своих приверженцев в Беларуси не могли оказывать существенного влияния на ход её религиозной жизни. Однако власти стремились не допустить усиления позиций протестантизма, время от времени сдерживая рост влияния как духовенства, так и верующих.

Деятельность старообрядцев, несмотря на их достаточно лояльное отношение к властям и консервативные настроения, оставалась под строгим контролем администрации.

Литература

Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.

Свод Законов Российской империи: в 13 т. – СПб.: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – Т. 1: ч. 1: Основные государственные законы. – С. 1–73.

Клочков, В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Клочков. – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: Свод Законов Уголовных. – СПб.: Государственная тип., 1885. – Ч. 1. – 413 с.

Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – СПб.: Издание кодификационного отдела при Государственном Совете, 1890. – Т. XIV. – 96 с.

Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – изд. 1896 г. // Свод Законов Российской империи: полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. осн. и позднейшими узаконениями: в 5 кн. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», б. г. – Кн. 3. Т. VIII. Ч. II – Т. XI. Ч. I / под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – С. 1–157.

Канфессіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.